КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА.

Нога.

Карасубазарскій драгунскій полкъ тянулся спъшившись по гладкой, убитой дорогъ, пролегавшей безконечной для глазъ необозримой будто лентой степи, ПО выровненной напроглядъ: здѣсь лучи зрѣнія, какъ на открытомъ морѣ, скользили той земной черть, которая отдъляла часть земли отъ невидимой, видимую средоточіи человѣкъ стоялъ ВЪ кабалистическаго круга. Кромъ жолтой, блеклой травы и съдоволосаго, волнистаго ковыла, по которому пробъгала порою рябь отъ налетнаго вихря, глазъ не встръчалъ ничего, до самого небосклона, гдъ взоръ тонуль въ безпредъльности. Одинъ только, безспорно насыпной, курганъ ито влѣвѣ. возвышался ПОЛЪ именемъ

Гаркушиной могилы, хотя Гаркуша столько же виновать быль въ томъ, что туть былъ курганъ, какъ и мы съ вами. Въ головъ полка шелъ полковникъ, крѣпко чѣмъ-то озабоченный. Онъ шагалъ какъ аистъ крутиль усы свои съ такимъ жаромъ, что перекрученный Тошій волосъ осыпался. тѣлѣ желудокъ сухопаромъ его ВЪ отзывался на каждомъ шагу, какъ случается иногда у рысака послѣ водопоя, когда, по мнънію народному, у него бъется селезенка. За полковникомъ шелъ полковой адьютантъ, тамъ музыканты, командиры дивизіонные и лейбъ-эскадрона; по лѣвую сторону полка офицеры, попарно и по три, вели коней своихъ въ поводу и разговаривали; за послѣднимъ **ВЗВОДОМЪ** катился на двухъ колесахъ казенный ящикъ охраною ПОДЪ коннаго часового, обнаженною саблей; тамъ тянулась аптека, канцелярская фура, кузница, лазаретъ, деньщики наконецъ вьюками, \mathbf{co} бабами повозками, брыченки съ СЪ дътьми, – словомъ, вся нестроевая, западная сила; а въ заключеніе дежурный

по полку офицеръ съ карауломъ, для присмотра за хвостомъ, за отсталыми.

А чтљ, который часъ, спросилъ одинъ изъ офицеровъ своего товарища: – должно шестой есть, прибавиль взглянувъ на солнце. – Шестого половина тотъ: – вечернимъ отвъчалъ холодкомъ вступимъ въ Сивый-Кутъ; должно быть не далечко; полкъ, слышно, станетъ на тъсныя квартиры и останется на нѣсколько дней въ тутъ, прибавилъ сборѣ? А, и ТЫ обращаясь къ человъку въ сюртукъ безъ бѣлыми пуговицами эполеть, съ фуражкъ: – дай-ка, братъ докторъ, огня, хоть затянуться съ радости, не то съ горя.... Вишь, какой исправный! разъ ударилъ, и шипить ужь на кремнѣ; а мы, горемычные, соберемся, развъ самъ-симъ сгоношимся кой-какъ: у кого огниво, у кого трутъ, у кого кремень.... и началъ сосать трубчонку, коротенькую поправляя огонекъ. – И мнѣ взаймы пальцемъ огоньку, братцы, отозвался третій: — и на мою долю тоже — и затянули и разыграли до конца трубочный квартеть или квинтеть.

А нътъ ли у кого чего-нибудь путнаго въ кабуръ? спросилъ одинъ. – Не мъшало бы, замътилъ другой и взглянулъ на доктора; оглянулся, махнуль рукой, и лазаретной фуры отдѣлился костоправъ, подбѣжалъ и подалъ плоскую молдавскую баклажку. Не дождавъ серебряной чарки, принадлежала одному которая молоденькихъ офицеровъ, возилась ВЪ бархатномъ чехлъ, вышитомъ бисеромъ, и славилась въ полку тъмъ, что никогда не во-время, капитанъ поспѣвала принялъ баклажку въ объ руки и, проговоривъ: посторонись, душа, залью! приставилъ рыльце къ губамъ и пропустилъ глотокъ въ чарку. Затъмъ поспъшно онъ принялъ команду полковника: садись! и всъ заняли свои мъста. Бросивъ взоры впередъ, увидѣли небольшую друзья наши вскоръ показались колокольню; соломенныя кровельки, а тамъ и бълыя барской усадьбы. И около хатки садъ Квартирьеры встрѣтили полкъ за селомъ, и каждый приняль свою часть. Пъсенниковъ впередъ; вызвали пятдесять **ЗВОНКИХЪ**

голосовъ, во всякое время готовыхъ радоваться и веселиться, грянули дружно во-лузяхъ — и полкъ тянулся уже по улицамъ Сиваго-кута.

Но веселая пѣсня драгуновъ, съ рѣзкимъ и дикимъ присвистомъ, была въ разладицѣ съ воплями нъсколькихъ голосовъ на селъ и унынія состраданія, чувствами И господствовавшими народа, толпъ ВЪ сбившейся въ кучу на базарной площади Сиваго-кута, черезъ которую переходиль долонью. Всв жители, старъ и малъ, тъснились тутъ вкругъ небольшихъ лѣсовъ, или козелъ; нѣкоторые влѣзали даже на козлы эти, другіе взбирались на бугоръ свѣжей, глинистой земли, и передніе наклонялись, пристально глядали въ землю И иногда ложились ничкомъ присматривались или прислушивались. Даже проходящій мимо полкъ мало привлекалъ вниманіе этой озабоченной толпы, которая явнымъ образомъ бездъйствовала, но была чѣмъ-то сильно занята. Стоны, жалобы, совъты **ТЉЛКИ** И сливались вздохи, ВЪ невнятный гулъ.

Многіе изъ офицеровъ, по участію и любопытству, успъли мимоходомъ узнать, что туть случилось несчастье; но докторъ, который поняль это и безъ распросовъ, освъдомился по обстоятельнъе, ВЪ дѣло, и, догнавъ полкъ, ѣхалъ въ какомъто раздумьи, между тъмъ какъ глаза его горъли. Когда только полкъ разведенъ былъ по квартирамъ, то многіе изъ офицеровъ поспъшили на площадь и вмъшавшись въ толпу протъснились до самой ея средины. Народъ разступался, сымая шапки; сотскіе и десятскіе, съ посохами въ рукахъ, и еще два русскіе мужика, рѣзко отличавшіеся бородами своими и красными рубахами отъ остальной толпы, стояли здѣсь на самомъ краю темной и глубокой ямы, въ которую былъ колодезный срубъ; опущенъ отчаянными ужимками указывали они въ этотъ, который былъ колодезь еще ВЪ работъ, разсказывали страхомъ co что случилось, пожимали плечами и крестились. Докторъ явился тутъ же, поставилъ одну ногу на край сруба и, облокотившись на колѣно, распрашивалъ русскихъ

работниковъ о нъкоторыхъ подробностяхъ этого случая, потомъ вдругъ сбросилъ съ себя сюртукъ, взяль въ руки каганецъ – сальную плошку — сълъ на грязный, облѣпленный мокрою глиной деревянный кресть, который висьль на веревкь надъ самымъ срубомъ – катокъ заскрыпѣлъ докторъ погрузился въ колодезь. Зрители сбились еще тъснъе въ кучу, такъ-что съ трудомъ можно было удержаться на ногахъ напора; офицеры вынуждены за полицейскія распоряженія взяться потомъ, когда все стихло, въ какомъ-то ожиданіи, наклонившись срубомъ, надъ глядѣли прислушивались. туда И глубины двадцати-саженъ раздавался какой-то невнятный говоръ, походившій болъе на протяжный стонъ, а потомъ опять все умолкало. Наконецъ снизу тряхнули веревку, катокъ опять заскрыпълъ и вскоръ докторъ показался изъ-подъ земли, сидя на томъ же грязномъ кресть. Иного средства нътъ, сказалъ онъ товарищамъ своимъ. – Времени терять нельзя: каждая минута можетъ похоронить его за-живо.

Читатели конечно уже догадались, въ чемъ тутъ было дѣло. Трое смоленскихъ мужиковъ взялись вырыть въ Сивомъ-куту колодезь, который, какъ мы уже видъли, глубокъ, потому-что очень степяхъ сухихъ нашихъ **СХИНЖО** вода дается не легко. Лъсъ въ тъхъ мъстахъ очень дорогъ; понадъявшись въроятно на вязкость глинистой толщи, копальщики мои, съ авосемъ и небосемъ на умъ и языкъ, взяли на срубъ самыя плохія и можетъ быть глубинъ плахи; дряблыя на двадцати гдѣ въроятно уже показались саженъ, ключи, внезапно съ одного боку сруба случился обваль земли, который проломиль нѣсколько вънцовъ, натискомъ своимъ бревешки концами вогналъ ВЪ пустоту колодезя и зажалъ одну ногу несчастнаго работника, который въ это время наливалъ бадью. черпакомъ опущенную туда Высвободить было никакой не НОГИ возможности: сколько народу не спускалось въ колодезь, сколько ни думали, не гадали, а придумать было нечего. Всякой видълъ, перерубить концы что если только

бревешекъ, упершихся въ противную стънку и зажавшихъ ногу работника, то долженъ послѣдовать неминуемо новый обваль; дорыться сверху до такой глубины во-время не было никакой возможности; а несчастному, тѣмъ извъстной пословицы, въ каждое мгновеніе грозило семь смертей: новый обвалъ могъ его окончательно засыпать; вода, которую тъснотъ, невозможно ПО прибывала вычерпывать, постепенно подтопляла его и по расчету работниковъ должна была за-ночь залить его вовсе; помертвеніе ущемленной ноги и смерть отъ распространенія антонова огня, смерть голодная, - словомъ, всѣ смертей роды несчастному, спасенія предстояли \mathbf{a} никакого. Самъ онъ, въ страшныхъ мукахъ отчаянья, конечно придумалъ лучшее, но некому было этого исполнить: онъ просилъ молилъ, чтобы ему отрубили ногу.... подали, общему вмѣсто ТОГО ПО ему совъщанію, топоръ, уговаривая перерубить, помолившись напередъ Богу, три сруба, которые ему зажали ногу; а между

тѣмъ подалъ ему топоръ, тотъ, кто поспъшилъ отъ видимой гибели подняться на вольный свътъ; но бъднякъ находился въ такомъ положеніи, что не могъ даже достать рукой до роковыхъ бревенъ, и отъ страданій ослабѣлъ такъ, что у него впрочемъ недостало бы силь для дъйствія топоромъ. Онъ нѣсколько разъ намахивался топоромъ на ногу свою, но наконецъ въ отчаянномъ изнеможеніи бросилъ глубину, его разсудивъ, что въ одинъ ударъ не сможетъ перерубить ногу на-прочь и только ранитъ себя безъ всякой пользы. Бъднякъ сидълъ, ровно въ капканъ, обреченный медленной и мучительной смерти, когда карасубазарцы наши веселыми пъснями своими огласили Сивый-кутъ изъ конца въ конецъ. Никто не думалъ тогда, чтобы веселые клики эти, сомнѣнія огласившіе безъ также слухъ были подземнаго заключенника, предвъстниками скораго его избавленія.

Костоправъ былъ уже тутъ, въ ожиданіи приказанія доктора, и принесъ все, чтъ было вельно: полковой ящикъ, лекарскій наборъ, губку, повязки и пару свъчей.

Взявъ съ собою только необходимые два инструмента, три докторъ СЪ благословясь, сѣли, костоправомъ на крестъ, и исчезли. Минутъ десять длилось всеобщее молчаніе, при томительномъ ожиданіи и страхъ. Вся толпа стояла безъ шапокъ, и многіе, едва переводя духъ, едва двигая рукою, крестились. Офицеры легли срубомъ и не спускали глазъ отдаленнаго огонька. Кто-то изъ сказалъ, что опасается одного: докторъ нъсколько сомнъвался въ успъхъ, то есть возможности сдълать операцію, непомърной тъснотъ; вдавленные вънцы загромоздили и безъ того узкій срубъ, а ногу прижало такимъ образомъ, что едва ли можно будетъ обнести вокругъ нея руку съ Bce было пересказано ножомъ. ЭТО шопотомъ, хотя не было никакой причины не говорить вслухъ; никто не отвѣчалъ; одинъ слегка пожалъ плечами, а другой вынуль часы и, уставивь на нихъ глаза, наблюдалъ движеніе стрѣлки и мысленно считалъ секунды. Изъ глубины колодца, откуда прежде по временамъ раздавался стонъ, теперь, напротивъ, во все это время не было слышно ни одного вздоха.

Наконецъ тряхнули веревку закачалась на ногахъ и всѣ молча взглянули другъ на друга, а потомъ уставили глаза неподвижно на жерло колодца. Протяжно заскрыпѣлъ катокъ, И смышленые покрикивая другъ мужика, на вполголоса: тише, мотри, тише! налегли на воротъ. Многіе изъ толпы бросились было на помощь, но ихъ отогнали. Не скоро конечно веревка безъ малаго въ двадцать саженъ навьется на жердь, и всего-то въ ляшку толщины, — потому-что толще этого льсу негдь было взять здъсь, — но на этотъ зрителямъ казалось, что у веревки разъ этой нътъ Офицеры, вовсе конца. недоумѣніи и нетерпѣніи, поглядывали то на вороть, то на катокъ, то въ черную хлябь колодца; огонекъ не приближался, потомубылъ глубинѣ оставленъ на что СЪ костоправомъ, но вдругъ показался изъ знакомый всъмъ узелъ, гдѣ колодца былъ махровый захлестнутъ конецъ и вслѣдъ веревки, тѣмъ **3a** крестъ, на

сидъли два человъка, оба въ которомъ крови, но одинъ обнялъ и держалъ другого; обхвативъ также и веревку и растопыривъ ноги во всю ширину сруба, онъ управлялъ удерживалъ свой экипажъ возможномъ равновъсіи. Одинъ изъ людей этихъ былъ докторъ, другой же несчастный работникъ, у котораго нога была отнята выше колѣна и на-скорую-руку наложена повязка. Онъ смотрълъ еще глазами, когда вышель на вольный свъть, но у него туть же захватило духъ, онъ поблѣднѣлъ какъ полотно, покачнулся, такъ-что докторъ его трудомъ удержалъ, СЪ И глаза закатились. Люди подскочили на помощь и осторожно подняли его сидънья. съ Громкое. единодушное которое ypa, конечно не было напередъ протвержено, встрѣтило страдальца И его спасителя. Наперерывъ одинъ передъ другимъ, мужики просили положить безногаго къ нимъ въ избу, а бабы хватали офицеровъ за полы, добиваясь той же чести почти съ земными Ha доктора поклонами. сыпались благословенія со всѣхъ сторонъ. Больного

положили на крестьянскую свитку, и офицеры унесли его съ торжествомъ въ ближайшую хату.

Теперь только наконецъ кто-то бѣднаго спохватился костоправа, позабыли И было которомъ думать который зваль, какъ говорять у насъ, то есть кричаль во всю глотку въ темномъ кричалъ своемъ, НО гласомъ вопіящаго въ пустынь: изъ глубины колодца раздаются отчаянныя завыванія, а между тъмъ никто и ухомъ не ведетъ: не до того забытаго Итакъ, подняли было. И костоправа, котораго любимымъ расказомъ впослѣдствіи осталось на всегда, какъ его позабыли было въ колодцъ, гдъ обвалъ угрожалъ ему съ минуты на минуту върною смертію, какъ страхъ овладѣлъ И бъднякомъ до того, что онъ горько плакалъ и почиталь себя заживо погребеннымъ.

Мужикъ выздоровълъ и пошелъ съ одною ногою своею въ пильщики, честно заработывая хлъбъ свой и не скучая день—за-день отшучиваться отъ вопроса товарищей, для чего онъ не идетъ въ

верхніе пильщики, то есть никогда не становится на бревно, а берется всегда только за нижній конець пилы? отвъть его на это быль обыкновенно: «а вишь, подпорка въ лещедкъ засъла,» — и дружный хохоть встръчаль эту знакомую остроту, которая впрочемъ не менъе того черезъ полчаса вызывалась снова, опять тъмъ же замысловатымъ вопросомъ.

В.ДАЛЬ